

Стешевич Варвара Юрьевна

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЙ ЛИЦА, ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА И ОТРИЦАНИЯ В ИМПЕРАТИВНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена сравнению глагольных категорий лица, вида и отрицания в императиве русского и сербского языков, в выявлению их специфики, сходства и различия. Рассмотрены основные подходы к изучению указанных категорий. Показано, что в категории лица существенных различий не наблюдается, в отличие от категории вида и отрицания. Несмотря на богатый опыт славянской компаративистики, подобные детальные сравнения актуальны как для теоретического описания категории императивности, так и для теории перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 192-197. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Аксенов В. П. Кесарево свечение. М.: Изографус, Эксмо, 2002. 640 с.
2. Аксенов В. П. Новый сладостный стиль. М.: ИЗОГРАФ, 1997. 560 с.
3. Аксенов В. П. Ожог. М.: Эксмо, 2011. 672 с.
4. Аксенов В. П. Редкие земли. М.: Эксмо, 2007. 448 с.
5. Аксенов В. П. Тайственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия: в 2-х т. М.: Семь дней, 2011.
6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
7. Володько Н. А. Языковая игра на основе имён собственных в прозе современных писателей-сатириков // Мир русского слова. М.: Изд-во «РОПРЯЛ», 2013. № 2. С. 59-62.
8. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. 1. А-О. 1209 с.
10. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
11. Киклевич А. К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. СПб.: Издательский дом «МИРС», 2009. № 3. С. 5-13.
12. Кислицина Ю. А. Тематические группы заимствований в романе В. П. Аксёнова «Остров Крым» // Молодые голоса: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. С. 19-27.
13. Лыков А. Г. Современная лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976. 120 с.
14. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуман. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект-Пресс, 1996. 207 с.
15. Мырзина Д. Ф., Васеева А. С. Окказионализмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на материале произведений Стивена Кинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 114-117.
16. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 160 с.
17. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2009. 336 с.
18. Попова Т. В., Раицбургская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта; Наука, 2005. 168 с.
19. Пряхина А. А. Окказионализмы в современной русской периодике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1). С. 144-146.
20. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 224 с.
21. Цыганова Н. Д. Контаминация как основной способ словотворчества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 200-203.

**ON THE PROBLEM OF POLYFUNCTIONALITY OF OCCASIONAL VOCABULARY
(BY THE MATERIAL OF FICTION TEXTS BY VASILY AKSYONOV)**

Spiridonov Aleksandr Vladimirovich
Kazan (Volga Region) Federal University
Aleshandro@mail.ru

In the article the features of occasional words functioning in the texts of novels by V. Aksyonov are considered. The specificity of their semantics and structure is revealed. The author concludes that the neologisms are polyfunctional, singles out emotive and game functions as the basic ones and pays attention to the variety of the uncommon methods of neologisms formation conditioned by the artistic tasks of V. Aksyonov.

Key words and phrases: polyfunctionality; semantics; structure; typology; V. Aksyonov.

УДК 811.16

Филологические науки

Статья посвящена сравнению глагольных категорий лица, вида и отрицания в императиве русского и сербского языков, выявлению их специфики, сходства и различия. Рассмотрены основные подходы к изучению указанных категорий. Показано, что в категории лица существенных различий не наблюдается, в отличие от категории вида и отрицания. Несмотря на богатый опыт славянской компаративистики, подобные детальные сравнения актуальны как для теоретического описания категории императивности, так и для теории перевода.

Ключевые слова и фразы: сербский язык; русский язык; императив; вид; лицо; отрицание.

Стешевич Варвара Юрьевна

*Институт славяноведения Российской академии наук
titacumliquida@mail.ru*

**СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЙ ЛИЦА, ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА И ОТРИЦАНИЯ
В ИМПЕРАТИВНЫХ ФОРМАХ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ[©]**

В описательных грамматиках русского и сербского языков, а также в большинстве теоретических лингвистических работ императив традиционно рассматривается как одно из глагольных наклонений, притом

[©] Стешевич В. Ю., 2014

что наклонение понимается как «грамматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом к действительности с т.з. говорящего» [8, с. 321]. Однако положение императива в системе глагола специфично — отличные от индикатива личные показатели, иная структурная организация парадигмы, ее нестабильность даже в разных описаниях одного языка и т.д.

Цель данной статьи — выявление и обобщение специфики функционирования глагольных категорий лица, вида и отрицания в русском и сербском императиве. Исходя из цели, мы стремимся решить следующие задачи: сравнить семантику и способы выражения перечисленных выше категорий в императивах указанных языков и установить сходства и различия на семантическом уровне.

В качестве языкового материала использовались фрагменты текстов разговорного характера и высказывания, собранные в результате наблюдений автора над устной речью носителей сопоставляемых языков. Нами было принято решение не использовать Национальный корпус русского языка, поскольку, к нашему сожалению, для сербского языка аналогичный корпус пока что не создан.

Роман Якобсон [19] одним из первых отметил, что императив не имеет ни самостоятельной корреляции лица, ни времени, ни согласования в числе и роде. В отличие от других глагольных наклонений в императиве информация о лице и числе является не согласовательной категорией, а содержательной. В целом семантика лица основывается на соотношении участников речевого акта и участников обозначаемой ситуации. Но личностно-числовые формы императива не тождественны личностно-числовым формам других наклонений. Изменение лица в императиве ведет к изменению экстралингвистической ситуации. Категория императивности взаимодействует (в терминологии В. С. Храковского [15, с. 24-26]) с категорией лица, а также с другими глагольными категориями.

Специфика категории лица в императиве состоит в том, что во всех императивных формах обязательно присутствуют роли Говорящего и Адресата, которые образуют рамку императивной ситуации — Прескриптора и Исполнителя прескрипции [2, с. 18-21]. Эти семантические роли присутствуют даже в тех императивных высказываниях, которые не оформлены по категории лица (напр., у именных форм типа *Воды!*). Грамматически выраженное лицо у глагольной императивной формы обозначает Исполнителя (или нескольких Исполнителей) казулируемого действия.

Вопрос, для каких лиц возможно существование императива, напрямую связан с тем, кто может быть Исполнителем казулируемого действия: только Адресат императивного высказывания [11, с. 88], Адресат вместе с Говорящим (Прескриптором) [10, с. 82-89], или императив не имеет ограничений по лицу и возможны различные лице-числовые варианты [3, с. 7]. Отметим, что в языках мира встречаются разные типы императивных парадигм. В одних языках все лица имеют одинаковые показатели (напр., в венгерском), в других — 2-е л. противопоставлено 1-му и 3-му (напр., в английском) или все три лица могут иметь отличающиеся морфологические показатели (подробнее см.: [5]).

Очевидным и интуитивно понятным является то, что центральной формой императива, выражающей прототипическое значение, является форма 2-го л. На ее счет у исследователей практически нет расхождений, однако небольшого пояснения заслуживает, какое именно распределение ролей подразумевается под 2-м л. в императиве.

2-е л. ед.ч. в своем прямом, не транспонированном значении обозначает ситуацию, в которой Слушающий тождественен Исполнителю:

Возьми оригинальные сальники и не выдумывай велосипед [13].

Otidi prije i pomiri se s bratom svojim [Там же]. / *Сначала пойд и помирись со своим братом.*

Pojedi koliko možeš, a ono što ne možeš ostavi [Там же]. / *Съешь, сколько можешь, а что не можешь, оставь.*

2-е л. мн.ч. используется в том случае, если Слушающих, которые являются Исполнителями, больше одного: *Друзья, продайте два маленьких фонаря для велосипеда* [Там же].

Navijači, dođite u što većem broju [Там же]. / *Болельщики, приходите в как можно большем количестве.*

Также множественное число используется для вежливой формы, когда Слушающий (он же Исполнитель) один.

Gospodine Watson, dođite ovamo, želim vas vidjeti [Там же]. / *Господин Ватсон, подойдите сюда, я хочу вас видеть.*

Mladiću, dođite u Berlin [Там же]. / *Молодой человек, приезжайте в Берлин.*

Gospođo, napustite objekat [Там же]. / *Госпожа, покиньте объект.*

— *Michail, provodite gostja* [Там же].

Колебания в выборе числа отмечаются в том случае, когда Адресат, или Получатель прескрипции, один, а Исполнителей, которые будут совершать действие совместно, несколько:

Miša, возьми с Петей по блинчику; Миша, возьмите с Петей по блинчику [Там же].

Mišo, uzmi s Petrom po palačinku; Mišo, uzmite s Petrom po palačinku [Там же].

В случае нерелевантного употребления, когда референт неясен из контекста или нерелевантен, также используется форма 2-го л. Число может быть как единственное, так и множественное.

Возьмите по столовой ложке сока алоэ и меда, чайную ложку сока чеснока, желток, смешайте [Там же].

Uzмите dublji lonac i zagrejte maslinovo ulje [Там же]. / *Возьмите глубокую кастрюлю и подогрейте оливковое масло.*

Выпил, за руль не садись [Там же]!

Pošalji SMS, prijavi korupciju u zdravstvu [Там же]. / *Отправь СМС, сообщи о коррупции в здравоохранении.*

Императив 3-го л., или юссив, является одним из наиболее дискуссионных вопросов в области исследования императива. С семантической точки зрения спецификой форм 3-го л. является несовпадение Исполнителя и Получателя прескрипции. С грамматической точки зрения они не однородны формам 2-го л., и в отличие от форм 2-го л. и 1-го л. мн.ч. они могут иметь подлежащие. Оставив в стороне вопрос, является ли юссив равноправным членом императивной парадигмы, отметим сходство в его образовании в сопоставляемых языках.

Как в русском, так и в сербском языке юссив выражается сочетанием частицы (*пусть / пускай, нека*) с формой 3-го л. настоящего времени.

Пускай они пьют воду из-под крана [Там же].

Нека pojedje sve iz tanjirića [Там же]. / *Пусть съест все из тарелочки.*

Императив 1-го л. ед.ч., или автопобуждение (*Поработаю-ка я немного волшебницей; Da otvorim novu temu onda / Открою-ка я новую тему*), мы склонны исключить из категории императивности, поскольку в высказываниях с автопобуждением нет обязательного признака императивности — каузации.

Одним из отличий императива от индикатива является наличие «совместного лица» [17, с. 110], или формы совместного действия, которая выражает побуждение к действию, агенсом которого является группа лиц, в которую входит Говорящий.

Пойдем в кино, Оксана [13]!

Пойдемте в сад, я покажу вас розам [Там же]!

Эти формы неоднородны с основными формами русского императива, имеющими грамматический показатель императивности *-i/-j-*. Наличие двух форм для побуждения 1-го л. мн.ч. вызывает вопрос об их взаимоотношении и дистрибуции (подробнее см.: [15]). П. С. Кузнецовым синтетическая форма с *-te* была названа «инклюзивом», форму же с суффиксом *-te* он назвал двойственным числом повелительного наклонения [7, с. 280]. В. В. Виноградов дал определение формам без *-te* как формам совместного действия [4, с. 483]. В. С. Храковский [15, с. 90-101], анализируя эту пару форм, пришел к выводу, что форма типа *пойдем* может обозначать как двойственное, так и мн.ч., а форма типа *пойдемте* только мн.ч.

Помимо синтетических форм «совместного лица» в русском языке есть и аналитические формы, образующиеся при помощи частиц *давай(-те)(-ка)*.

Давайте-ка уже что-нибудь делать [13]!

В сербском языке, как и в русском, «совместное лицо» может быть выражено, как синтетической, так и аналитической формой.

Одћеримо се од Србије, протерајмо све политичаре, па да, као људи, живимо од туризма и виза [Там же]! / *Давайте отделимся от Сербии, прогоним всех политиков и заживем, как люди, за счет виз и туризма!*

Hajdemo svi da pevamo veselo [Там же]! / *Давайте-ка все запоем весело!*

В сербской грамматической традиции, как и в русской, существуют разногласия по поводу статуса форм побуждения к совместному действию. И если синтетическая форма (*pevajmo*) безоговорочно является специализированным членом императивной парадигмы в силу грамматического показателя *-j*, участвующего в образовании как форм 2-го, так и 1-го л., то аналитическая форма (*hajde / hajdemo da pevamo*) является предметом обсуждений. В работе сербских лингвистов *Sintaksa savremenoga srpskog jezika* [21, с. 663] конструкция *hajde da + настоящее время* характеризуется как перифрастическая конструкция императива совместного действия, однако, ее статус и в императивной парадигме и статус *hajde* в составе данной конструкции не указывается.

В целом можно отметить, что категория лица в императиве в русском и сербском языках имеет много общего, и основные различия наблюдаются не в грамматико-семантической структуре, а в морфологических средствах выражения.

В отличие от категории лица категория глагольного вида в императиве различается в сравниваемых языках. Как отмечал В. В. Виноградов [4, с. 484], видовые различия в императиве служат средством выражения экспрессивных оттенков. При этом исследователь указывал, что несовершенный вид (НСВ) императива выражает более прямое и категоричное волеизъявление, а совершенный вид (СВ) – приказание более мягкое и менее произвольное. Так же В. В. Виноградов отмечал, что СВ императива направлен на результат, а НСВ — на побуждение вне зависимости от результата, что влияет на экспрессию и вежливость. И прямо противоположным образом, СВ может выражать категоричный призыв к совершению действия, а НСВ — более вежливый и мягкий. Сербский лингвист Бранко Тошович [14, с. 246] также уделил внимание выбору вида при выражении императивности. СВ в русском языке, по мнению исследователя, выражает категоричность, а побуждаемое действие представляется Говорящим как конкретное и однократное. НСВ императивных форм в русском языке обозначает обычно просьбу или совет, хотя может выражать и приказание, которое, однако, будет менее категоричным, чем приказание, выраженное СВ. К сожалению, видовые различия императивных форм сербского императива в работе Б. Тошовича не затрагиваются. В целом мы вынуждены отметить, что изучение глагольного вида в сербистике уступает аналогичным исследованиям в русистике, где не только разработана аспектуальная семантика индикатива, но есть и отдельные исследования, посвященные категории вида в императиве.

В. С. Храковский [15, с. 30-36] указал, что общефактическое значение является основным у императивов НСВ.

Прихожане, отключайте мобильные телефоны в храме [13].

Такое же значение выделяется у сербского императива НСВ.

Isključite punjače iz utičnice kada završite punjenje uređaja [Там же]. / *Выключите зарядные устройства из розетки, когда закончите зарядку устройства.*

Однако в том же значении в сербском может употребляться и СВ.

Isključite «Data enabled» kada ne želite koristiti Internet preko SIM kartice [Там же]. / Выключите «Data enabled», если не хотите пользоваться Интернетом по СИМ-карте.

В русском языке императив НСВ имеет актуально-длительное значение, когда Говорящий каузирует продолжение уже совершающегося действия.

Kušaj, kušaj, nikoga ne slušaj [Там же]!

То же значение можно выделить и у сербского императива НСВ.

Jedi sinko, jedi, uzmi malo ajde [Там же]! / Ешь, сынок, ешь, возьми немного, ну же.

Однако и в актуально-длительном значении в сербском языке может быть использован СВ.

Za svaki obrok i dalje nastavi da jedeš proteina iz životinjskih izvora [Там же]. / С каждым приемом пищи продолжай и дальше есть протеины животного происхождения.

У СВ императива в русском языке основным значением является конкретно-фактическое значение, когда Говорящий каузирует действие, которое должно произойти после момента речи [15, с. 30-36].

Удали эту ссылку из окна браузера, посмотри, не попала ли она в избранное [13].

Сербский императив СВ тоже имеет это значение.

Obrisi sve svoje postove za manje od jedne minute [Там же]. / Удали все свои посты менее чем за минуту.

Итальянская исследовательница Розанна Бенаккио [1] предложила следующее распределение видовых форм в императиве. СВ употребляется в тех случаях, когда Говорящий фокусирует иллюкутивную силу на результате каузируемого действия.

Zakрой дверь! (объект действия переходит из одного состояния в другое).

НСВ императивных форм употребляется для выражения многократности и узуальности.

Если хочешь быть счастливым, каждый день обедай с пивом [13]!

Когда вы пишете за столом, наклоняйтесь вперед от поясицы, держите спину ровно [Там же].

А также в тех случаях, когда иллюкутивная сила фокусируется не на результате, а на процессе.

Тесто будет мягким, но муку добавляй осторожно, все время меси [Там же].

Кроме того, императивные формы НСВ могут выражать акцент на начальной фазе действия и побуждать к немедленному осуществлению действия.

В случае нападения, если есть возможность бежать, бегите немедленно [Там же]!

Розанна Бенаккио отмечает, что форма СВ является нейтральной и дистанцированной, в то время как форма НСВ может быть либо маркированно грубой, либо маркированно вежливой.

Выбор императивной формы того или иного вида в сербском языке во многом схож с русской моделью, хотя имеет и отличия.

При акценте на результат действия используется СВ императива.

Upoznaj te ra ćeš videti [Там же]. / Познакомься со мной, и тогда поймешь.

Но для выражения повторяющегося действия может употребляться и СВ.

Ako patite od artritisa, svaki dan pojedite oko 30 grama semenki bundeve [Там же]. / Если вы страдаете от артрита, ешьте каждый день около 30 граммов тыквенных семечек.

Кроме того, в отличие от русского, СВ может использоваться в тех случаях, когда акцент стоит на процессе выполнения действия, а не на результате.

Polako ona vrata otvaraj ubit ćeš nekog (НСВ) [Там же]. / Дверь открывай медленно, убьешь кого-нибудь.

Probaj korici hleba da utičiš u so i pojedj polako žvačići (СВ) [Там же]. / Попробуй, обмакни корочку хлеба в соль и ешь, медленно пережевывая.

При переводе на русский должен быть использован НСВ императива (*открывай, ешь*).

Таким образом, соотношение семантики процесса и результата с глагольными видами в сербском императиве оказывается ослаблено и строго не соблюдается. СВ вытесняет НСВ и употребляется как в общефактическом, так и в процессуально-длительном значении. За НСВ закрепляется статус маркированной формы, выражающей фамильярное или невежливое побуждение.

Все выше сказанное справедливо исключительно для утвердительных форм императива. В отрицательных формах императива, которые еще называют прохибитивами, в русском языке употребляется только НСВ, СВ не употребляется для запрещения целенаправленного действия.

Не открывай крышки над трепалом до полного останова машины.

СВ употребляется в превентивных высказываниях, имеющих целью предупреждение ненамеренного действия.

Не выключи случайно в доме свет.

А. А. Шахматов [18, с. 483] писал о «предостерегательном наклонении» в русском языке, которое, по мнению ученого, выражалось императивом глагола СВ в отрицательной форме — *не скажите, не потеряйте* и т.д. или конструкции с императивной формой *смотри / смотрите* в сочетании с императивом как СВ, так и НСВ — *смотри не упади (СВ), смотрите не ошибайтесь впредь (НСВ)*. Значение предупреждения выделяет и Милка Ивич [20], которая указывает на то, что отрицательные формы императива СВ в сербском языке перестали передавать это значение и поэтому исключаются из употребления.

Л. А. Бирюлин [2] проанализировал различия между отрицательными формами императива обоих видов и обобщил их следующим образом: прохибитивы (НСВ) используются для запрета намеренного и контролируемого действия, а превентивы (СВ) используются для предотвращения неагентивных последствий, которые могут возникнуть в результате действий Адресата.

Не закрывайте окно! (не совершайте действие).

Не откройте окно! (не допустите ситуацию, когда действие будет совершено).

Также СВ при отрицании употребляется в противительных конструкциях.

Дождись появления надписи «disable» и перезагрузи приставку, не выключи, а перезагрузи [13]!

Кроме того, СВ употребляется в ограниченном числе устойчивых конструкций типа *Не убий!* *Ну, не скажи!* и т.д.

В сербском языке употребление императива с отрицанием имеет свою специфику и отличается от русского. Если в русском языке показатель отрицания — частица *не* — используется во всех наклонениях, то в сербском помимо отрицательной частицы *ne*, которая так же используется во всех наклонениях, императив обладает собственным показателем отрицания — частицей *nemoj*, которая изменяется по лицам и числам. Таким образом, прохибитив в сербском выражается НСВ императива с отрицательной частицей *ne* или синонимичными конструкциями *nemoj + infinitiv* или *nemoj + da + prezens*.

Ne diraj toje jabuke [Там же]. / *Не трогай мои яблоки.*

Nemoj dirati Dejtonski sporazum ili čemo imati problema [Там же]. / *Не трогай Дейтонское соглашение или у нас будут проблемы.*

Nemoj da diraš kamenčiće, isprljaćeš se [Там же]. / *Не трогай камешки, испачкаешься.*

Все три варианта равнозначны и используются как в письменной, так и в устной речи. Мнение Т. Н. Молошной [9, с. 24], что аналитическая форма с *nemoj* является смягченной с дополнительным оттенком увещания, представляется нам спорной.

Превентивы в сербском не имеют императивную форму, другими словами — СВ не встречается в отрицательных формах императива. Вместо императивной формы используются индикативные конструкции с отрицательной частицей *nemoj* и инфинитивом или с отрицательной частицей *nemoj* и настоящим или прошедшим временем глагола, который вводится частицей *da*.

Nemoj to da uradiš ni slučajno [13]! / *Не делай этого ни в коем случае!*

Nemoj da si to uradio [Там же]! / *Не делай этого!; Не смей этого делать!*

I nikako nemoj da si ustao sa stolice [Там же]. / *И ни в коем случае не смей встать со стула.*

Nemoj da ustaneš nego odmah lezi na stomak i spavaj [Там же]. / *Не вставай, а сразу ляг на живот.*

Malo razmislite o ovom i nemojte sad ponovo da pokrenete lavinu komentara [Там же]. / *Подумайте об этом немного и не начинайте новую лавину комментариев.*

Отрицательный императив СВ имеет очень узкую сферу употребления и практически уже является исключением. Согласно исследованию Милки Ивич [20], осталось только два глагола СВ, которые употребляются в отрицательной императивной форме, — это *zaboraviti* (*забыть*) и *shvatiti* в устойчивом обороте (*ne*) *shvati pogrešno* (*не пойми превратно*).

Ne zaboravite da ćete predavati glavni predmet i da ćete sa svojim učenicima provoditi više vremena od svih ostalih profesora [Там же]. / *Не забываете, что вы будете преподавать главный предмет и что вы будете проводить со своими учениками больше времени, чем другие учителя.*

Ne shvati me pogrešno, obožavam ja moj toster, pre njega sam vozio mlin za kafu [Там же]! / *Не пойми меня превратно, я обожаю свой тостер, до него я ездил на кофемолке!*

Хотя наравне с отрицательной формой императива у этих глаголов используются и аналитические формы с *nemoj*.

Nikada nemojte zaboraviti: vi ste profesori [Там же]! / *Никогда не забываете — вы учителя!*

В работе В. Н. Зенчука [6] излагается точка зрения, согласно которой в отрицательных императивных конструкциях проявляется не столько видовое различие глаголов, сколько модальное. За СВ императивных форм с отрицанием в одних славянских языках (напр., русский и чешский) закрепляется определенное модальное значение — «предупреждение», в других же (напр., сербский и болгарский) — СВ исключается из сферы употребления отрицательных императивов. В. Н. Зенчук считает, что в императиве при отрицании видовое противопоставление глаголов стирается, и на передний план выходит противопоставление модальное, таким образом, видовые пары глаголов в императивной форме выражают не характер протекания действия во времени, а субъективную оценку Говорящим своего речевого акта. Говорящий либо оценивает свой речевой акт как предостережение (и тогда использует СВ отрицательного императива в одних языках или перифрастические конструкции в других), либо — как запрещение (и использует НСВ отрицательного императива).

Отметим, что в болгарском языке глаголы СВ не только не имеют отрицательной императивной формы, но и не употребляются в отрицательной аналитической конструкции, аналогичной сербской, в которой форма императива заменяется формой индикатива. Превентивная семантика передается в болгарском языке оптативной конструкцией. В словенском языке ситуация, напротив, схожа с ситуацией в русском — оба вида используются в отрицательной императивной форме и в языке различаются прохибитив и превентив.

В устройстве категории лица в императиве рассматриваемых языков прослеживается однозначный параллелизм, обусловленный спецификой речевой ситуации повеления и соотношением речевого акта с экстралингвистической ситуацией. Однако категория глагольного вида в сербском императиве отличается от аналогичной категории в русском. Если в русском языке оба вида равноправны и выражают различные значения, то в сербском СВ берет на себя часть значений НСВ, и таким образом НСВ вытесняется из императивных форм. В то же время в отрицательных императивных формах в сербском языке вытесненным

является СВ. В русском языке видовое противопоставление императивных отрицательных форм выражает семантическое противопоставление превентива и прохибитива. Если в русском императиве сохраняется видовое противопоставление, то в сербском императиве наблюдается тенденция к нивелированию видовых различий и дополнительному распределению категории вида в зависимости от отрицательности.

Список литературы

1. **Бенаккио Р.** Глагольный вид в императиве в южнославянских языках // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. 880 с.
2. **Бирюлин Л. А.** Семантика и прагматика императива. Хельсинки: *Slavica Helsingiensia*, 1992. 229 с.
3. **Бирюлин Л. А., Храковский В. С.** Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций / под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1992. 300 с.
4. **Виноградов В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
5. **Гусев В. Ю.** Типология специализированных глагольных форм императива: дисс. ... к. филол. н. М., 2005.
6. **Зенчук В. Н.** Отрицательные императивные конструкции в славянских языках // Вестник Ленинградского университета. Л.: Ленинградский университет, 1971. № 8. С. 77-83.
7. **Кузнецов П. С.** Историческая грамматика русского языка: морфология. Изд-е 4-е. М.: Едиториал УРСС, 2014. 312 с.
8. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
9. **Молошная Т. Н.** Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. 96 с.
10. **Панин Л. Г.** Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. М.: Высшая школа, 1993. № 5/6. С. 82-89.
11. **Перцов Н. В.** К проблеме инварианта грамматического значения. II. Императив в русском языке // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1998. № 2. С. 88-101.
12. **Русская Грамматика.** М.: Наука, 1980. Т. 2. 714 с.
13. **Стешевич В. Ю.** Полевой материал автора: картотека анонимных высказываний. Белград – М., 2009. 214 с.
14. **Тошович Б.** Экспрессивный синтаксис глагола. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.
15. **Храковский В. С.** Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 231 с.
16. **Храковский В. С.** Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2002. № 2 (4). 319 с.
17. **Храковский В. С., Володин А. П.** Семантика и типология императива: русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
18. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. Изд-е 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2001. 624 с.
19. **Якобсон Р.** О структуре русского глагола // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
20. **Ivić M.** Upotreba vida v slovenskom imperativu s negacijom // IV Международный съезд славистов. Славянская филология: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Ч. II. 461 с.
21. **Sintaksa savremenoga srpskog jezika** / u red. M. Ivić. Beograd: Institut za srpski jezik SANU; Beogradska knjiga; Matica srpska, 2005. 1164 s.

**SPECIFICITY OF CATEGORIES OF PERSON, VERBAL ASPECT AND NEGATION
IN IMPERATIVE FORMS OF THE RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES**

Steshevich Varvara Yur'evna

*Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
mutacumliquida@mail.ru*

The article is devoted to the comparison of the verbal categories of person, aspect and negation in the imperative of the Russian and Serbian languages, to the revelation of their specificity, similarity and difference. The main approaches to the mentioned categories study are considered. It is shown that there are no essential differences in the category of person in contrast to the categories of aspect and negation. In spite of the wide experience of the Slavic comparative linguistics, such detailed comparisons are topical for both the theoretical description of imperativeness category and the theory of translation.

Key words and phrases: the Serbian language; the Russian language; imperative; aspect; person; negation.